

**Особенности репрезентации
региональной идентичности персонажей А. Н. Карпюка
в романе «Вершалинский рай» и повести «Данута»**

Ламм Мария Андреевна
Независимый исследователь
Москва, Российская Федерация
E-mail: lamm.maria@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3643-5052

Цитирование:

Ламм М. А. Особенности репрезентации региональной идентичности персонажей А. Н. Карпюка в романе «Вершалинский рай» и повести «Данута» // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 303–313. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.04

Статья поступила в редакцию 27.01.2023.

Аннотация

В пограничном регионе возникают условия для формирования особого типа мировосприятия, выражением которого становится появление самобытной региональной идентичности. Для творчества белорусского писателя А. Н. Карпюка характерно осмысление специфики регионального восприятия и последующий переход его на общенациональный уровень. Тексты произведений проанализированы с помощью основных структурных категорий пространственного мифа: свободы передвижения, социальной мобильности, логики восприятия персонажами пейзажа. По сюжету обоих произведений в ситуации неоднократной смены государственной принадлежности происходит становление местной и, позднее, национальной интеллигенции: учителя и священника. Баланс национального и регионального во многом определяется опорой на историческую традицию и современность. Вероятно, по идеологическим причинам эти сюжеты описаны автором по-разному, но структурное сходство двух историй позволяет проанализировать окружающее персонажей пространство с точки зрения особенностей выражения в художественном тексте мифа пограничья и специфики его восприятия.

Ключевые слова

Пограничье, фронтир, Кресы, тутейише, идентичность, национальный миф, миф Фронтира.

Пограничье — зона, где национальное самоопределение осложнено в силу историко-культурных и социальных факторов: постоянное взаимодействие с представителями другой культуры и смена государственной принадлежности создают предпосылки для формирования эклектичной национальной идентичности. В условиях идеологического давления у жителей пограничных регионов возникает феномен альтернативной идентичности: целостный и логически непротиворечивый вариант национального или регионального мифа, противопоставленный варианту национального мифа, продиктованного центром. Подобные процессы многогранно описаны в творчестве А. Н. Карпюка, действие произведений которого разворачивается в регионе, где отнесение к тому или иному варианту национального мифа часто предполагает также выбор идеологической модели.

Местом действия произведений писателя стали родные для него земли польско-белорусского пограничья, где выбор национальной, религиозной или этнической идентичности сложен для каждого персонажа, а потому особенно интересен. Подобные проблемы поднимаются в большинстве произведений Карпюка, наиболее характерны с этой точки зрения повесть «Данута» и роман «Вершалинский рай», оба произведения были переведены на русский язык¹. Необходимо сразу отметить тот факт, что восприятие пограничья, пространства, удаленного от центра, а потому априори периферийного, возможно в двух направлениях: как Провинции или как Фронтира. В категориях провинциального мифа пограничный регион развивается как замкнутый и самодостаточный, в категориях фронтирного мифа, напротив, жизнь региона стремится вовне, происходит развитие межнациональных и межкультурных отношений. Эти два мифа противопоставляются друг другу на самых разных уровнях. По мнению В. Н. Топорова, «граница определяется точкой схождения-пересечения двух направлений (“своего” и “чужого”), сходящих на нет при неблагоприятных обстоятельствах и, напротив, сводящих “свое”

¹ Тексты на русском и белорусском языках имеют некоторые различия, однако с точки зрения стратегии выбора идентичности они несущественны, поэтому в данной статье использован перевод.

с “чужим”, открывающих друг другу путь внутрь себя при благоприятных условиях². Условия в повести «Данута» и романе «Вершалинский рай» сходны, сходны и модели взаимодействия персонажей разных национальностей; в данном случае рассмотрим эти тексты с точки зрения причастности персонажей тому или иному типу пространственного мифа.

Место действия произведений — Западная Белоруссия, хотя государственная принадлежность региона на протяжении повествования меняется. Действие романа «Вершалинский рай» происходит в Российской империи (начало XX в.), а после — в Польше (20-е — 30-е гг.) и завершается в БССР (1939–1941), действие повести «Данута» — в Польше (1930-е гг.), после 1939 г. — в БССР. Вероятно, именно расхождение времени действия обеспечивает различие самоидентификационных стратегий — у персонажа повести «Данута» они меняются после Второй мировой войны. Главный герой этих произведений — юный белорусский крестьянин в новой для себя социальной роли или нетипичных обстоятельствах. Сюжеты романа «Вершалинский рай» и повести «Данута» посвящены становлению национальной интеллигенции в поликультурном пространстве: священника и учителя. Фактически основной темой произведений являются две реальности воплощения национального и, одновременно, две мировоззренческие парадигмы³.

Вариант мифа пограничья в конкретном художественном произведении определяется по таким критериям, как мобильность населения, восприятие национальной истории и пейзажа. Еще одним критерием является тип границы, ее закрытость или открытость, но в данном случае он слабо применим, поскольку на этапе закрытых границ как Аляш (главный герой романа «Вершалинский рай»), так и Янка Бартошевич (герой повести «Данута») слишком заняты собственной деятельностью: один — строительством церкви, другой — учебой в Вильне. Можно также предположить, что именно закрытость польско-советской границы и сделала церковь Аляша,

2 *Топоров В. Н.* Функция границы и образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-балтийская перспектива) // *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. М., 2010. Т. 4: Балтийские и славянские языки. Кн. 1. С. 155.

3 Необходимо подчеркнуть, что процесс становления белорусской интеллигенции не был простым. Об этом подробнее см.: *Робинсон М. А.* Заявление профессора Н. Н. Дурново // *Славяноведение*. 2011. № 2. С. 86–100.

во-первых, возможной и, во-вторых, настолько популярной: на фоне «идеологического и бытового разрыва пастыря и паствы, порождающего потребность в местном пророке, децентрализации культурной жизни»⁴ происходит попытка поиска духовной альтернативы. В «Дануте» стремление к русскому языку и России выступает как способ противопоставления полонизации, но с ситуацией закрытости границ и транспортной недоступности персонаж практически не сталкивается, лишь с материальной и культурной пропастью. Тема закрытых границ возникает ближе к финалу, когда высланный в Казахстан поляк приезжает в Гродно, чтобы добиться репатриации в Польшу. Это событие становится отправной точкой для посещения главным героем Вильнюса — мест своей юности — ради собственного удовольствия.

С точки зрения мобильности населения различие этих двух произведений очень характерно. Деревенский пророк Аляш в «Вершалинском раю», перед началом строительства своей церкви, отправляется в Санкт-Петербург к Иоанну Кронштадтскому, его путешествие за благословением очень символично и накладывается на несколько архетипических образов: религиозного паломничества как процесса, ходока как персонажа, одураченного крестьянина как выразителя социальной проблематики. Главный герой повести «Данута» Янка Бартошевич отправляется не в общенациональный центр, а в региональный — Вильну, чтобы получить там образование, которое в итоге завершает в Гродно после 1939 г. В начале действия он находится в Вильне, а в путешествие отправляется уже в финале повести, в зрелом возрасте. Пройдя войну и остепенившись, он возвращается в места своей юности, чтобы найти ответы на так и не ушедшие из памяти вопросы, и видит уже новый, послевоенный литовский Вильнюс. Таким образом, как это ни парадоксально, наиболее свободны в своих перемещениях герои оказываются до революции и после Второй мировой войны, в межвоенный период один из них слишком занят строительством церкви, а другой — учебой.

Интересно, что с точки зрения социальной мобильности пространство в обоих произведениях изображается более или менее

4 Ламм М. А. Миф пограничья как художественная основа романа «Вершалинский рай» и пьесы «Конец света» А. Н. Карпюка. URL: http://samlib.ru/l/lamm_marija_andrewna/mifpogranichxjakakhudozhestwennajao_snowaromanawershalinskijrajipxesykonecswetaankarpjuka.shtml (дата обращения: 29.07.2022).

равнозначно. Главный герой повести «Данута» живет в Польше межвоенного периода, учится в Вильне, хотя и осознает себя переростком. Теоретически ему закрыт доступ в элитарные заведения, но его односельчанин — полонизированный белорус Станевский — в подобные заведения попадает через смену идентичности и усвоение новых обычаев. Герой романа «Вершалинский рай» — пророк Аляш — едет в Петербург за благословением Иоанна Кронштадтского, а после встречается с региональными католическими и православными иерархами. Один из односельчан заработал на дом и хозяйство за время службы в армии, хотя выше денщика не поднялся. Таким образом, как в дореволюционной России, так и в межвоенной Польше белорусский крестьянин относительно свободен в передвижении и в способах самовыражения, хотя переезд в город требует от него усвоения новых норм, а тема закрытых границ практически не поднимается. Новые модели социальной мобильности описаны в повести «Данута», действие которой продолжается после Второй мировой войны.

Осознание персонажами национальной и региональной истории происходит по различным моделям. В «Вершалинском рае» восприятие основывается на суевериях и местных легендах, одну из которых и создает главный герой: «Вскоре Аляш стал говорить, что когда пас в ночном коней, его внезапно осенил неземной свет, в небе появилась Богородица и объявила, что Бог повелевает на том взгорке, где он родился, построить церковь. Еще Богородица сказала, что место это будет святым, а он станет пророком-чудотворцем. Утром на дереве Аляш увидел якобы иконку Ченстоховской божьей матери. Испугавшись, он ее закопал, но на следующий день иконка оказалась на той же ветке»⁵. Мистическое, иррациональное мировоззрение определяет деятельность персонажей — на первый взгляд созидательную, но фактически лишённую смысла. Исторические вставки и ремарки, часто подкрепленные ссылками на документы или газетные публикации, вносит повествователь, но не герои романа. В повести «Данута», напротив, восприятие исторического подчеркнуто индивидуально и рационально. Помогая создателю и смотрителю виленского белорусского музея, Янка Бартошевич узнает немало нового, а также воссоздает орудия труда древнего человека. Постижение национальной истории в его случае происходит путем экспериментальной реконструкции. Такое документальное

⁵ Карюк А. Н. Вершалинский рай. Мінск, 1986. С. 43.

отношение к истории, в принципе не особенно свойственное художественной литературе, является одной из характерных особенностей творчества Карпюка⁶.

Восприятие исторического плана героями произведений детерминировано их отношением к идеальному, представленному в художественном пространстве текстов Православием и Революцией. Это тождественные явления в том смысле, что оба ориентированы на построение утопического пространства всеобщего благоденствия — невозможного на земле в принципе в случае христианского рая и практически реализуемого в концепции коммунистической утопии. Для главных героев обоих произведений идеальное имеет определяющее значение, хотя понимание идеального в обоих случаях довольно наивно: вера пророка Аляша и знание основ революционных идей Янки Бартошевича как минимум неполны. Тем не менее, жизнь героев подчиняется этим идеям — один строит церковь на свои средства, а позднее — на пожертвования верующих, другой разносит листовки и принимает участие в революционных собраниях. Различие очевидно в эпизодах, касающихся помощи семье: узнав о болезни матери, Янка продает свой наган, который ранее подарил ему соратник. Аляш отказывается помочь дочери, которая нуждается в деньгах для лечения мужа. Насколько ситуации идентичны? Если рассматривать их как ресурс, переданный единомышленниками для служения общему делу, то они идентичны. Продавая наган, герой повести «Данута» ограничивает свои возможности участия в революционных событиях, поставив человеческую жизнь — жизнь своей матери — выше материального. Аляш, отказываясь помочь дочери, сохраняет деньги, которые были пожертвованы верующими на богоугодные дела, не совершая тем самым богоугодного дела, поскольку помощь больным считает менее значимым явлением, чем развитие территории и строительство новых зданий, а также сохранение церковной казны.

Восприятие пейзажа является еще одним критерием разграничения мифологических систем. На наиболее общем художественном уровне лес — основная доминанта регионального

⁶ Ламм М. А. Персонический концепт Пилсудского в творчестве А. Н. Карпюка // Беларуская літаратура і літаратуразнаўства: зборнік навуковых артыкулаў: да 90-годдзя Інстытута літаратуразнаўства імя Янкі Купалы / Нац. акад. навук Беларусі [і інш.]; уклад. Н. В. Якавенка; навук. рэд. І. В. Саверчанка. Мінск, 2022. С. 123–128.

пейзажа — в «Вершалинском рае» изображен в фольклорных категориях, как место дикое или диковинное, возможно опасное, пристанище разбойников, метафизическая граница, отделяющая локальный мир от огромной цивилизации. В повести «Данута» появляется новый вариант осмысления леса как партизанского дома и безопасного укрытия. Лес становится одной из форм обжитого и обитаемого пространства, где существует своя иерархия, налаженный быт и способы связи с большой землей, отсутствующие в открытом пространстве. Описания пейзажа подчеркивают сюжетную канву и выстроены в логике этого мифа. В «Вершалинском рае» «неожиданно сверкнула белая в дневном свете молния, осветила фиолетовые края неприметной до сих пор серой тучи, и сразу же заблестела косая стена стеклянных нитей. Упругий дождь хлынул, как обвал; он искрился на солнце, сверкал и радовал глаза. <...> Очередь к знахарке миг разлетелась. В преувеличенной панике девчата бросились под пиджаки к парням. Те охотно пускали их и вместе убежали, якобы спасаясь от теплого, как чай, дождя»⁷. Дождь начинается внезапно, последующие события воспринимаются как развлечение.

В повести «Данута» большинство описаний пейзажа связано с партизанской деятельностью главного героя: «В лесу еще лежал мокрый снег, и тяжелые капли, срываясь с веток, пробивали его до мха. Поля уже чернели. Стыли лужи мутной студеной воды, отовсюду тянуло такой сыростью, что нас пронизывало до костей. На землю не то опускался туман, не то упала туча. Было такое впечатление, что где-то в небе зима вступила с весной в смертельную схватку, а земля брошена на произвол судьбы и не знает, что ей делать, все ждет не дождется исхода этой схватки»⁸. Интересное отличие заключается в том, что в повести «Вершалинский рай» пейзаж обычно показывается глазами повествователя или периферийных персонажей, не вовлеченных в деятельность новой церкви, в то время как в «Дануте» пейзаж чаще показан глазами главного героя. Это словно усиливает дистанцию между читателем и персонажем «Вершалинского рая» и, напротив, сближает читателя с главным героем «Дануты».

Сюжет и осмысление пространства в целом в «Вершалинском рае» разворачиваются по типу Провинции, а в «Дануте» — по типу Фронта, хотя формально именно «Вершалинский рай» должен быть реализован в категориях пограничья. Фронт предполагает

⁷ Карцюк А. Н. Вершалинский рай. С. 86.

⁸ Карцюк А. Н. Данута. Повесть. Минск, 1989. С. 206 и сл.

открытость границ и свободу передвижения; как пишет Ф. Дж. Тёрнер, рассуждая об американском фронтире, «мобильность населения — это смерть для провинциализма»⁹. Он же подчеркивает, что Фронтир, по сути, представляет собой полную децентрализацию. В «Вершалинском рае» безразличие «царских властей» к судьбе региона показано на примере деятельности бандитской шайки, в то же время в «Дануте», во время войны, регион если не находится в центре внимания советской власти, то, во всяком случае, не отрезан от цивилизации: партизанские аэродромы широко используются для снабжения всем необходимым, а также в транспортных целях. Интересно и различное отношение к воровству. Рассуждая о местном бандите, Карпюк в романе «Вершалинский рай» отмечает, что, «как ни удивительно, но в отдаленных селах людям хотелось видеть в Полтораке героя»¹⁰. Писатель вводит в текст романа одобрительные отзывы односельчан, в которых жестокий грабитель Полторак, которому отказали в службе в армии, предстает благородным разбойником, что отбирает сокровища у богатых и раздает их бедным. Аналогичная мировоззренческая модель встречается в повести «Данута», где главный герой в качестве акта протеста против социального неравенства пытается украсть из ресторана нож: «Моей бы хозяйке хоть один такой нож, вот была бы радость в доме»¹¹, однако нож приходится вернуть, поскольку в том же ресторане официантом подрабатывает его литовский приятель.

Герои обоих рассматриваемых произведений — местные, «тутейшие». Это довольно распространенное на польско-белорусском пограничье слово нехарактерно для творчества Карпюка, оно встречается лишь в романе «Вершалинский рай», перевод которого на русский язык выполнил сам автор:

...говорили на белорусском диалекте, с сильным влиянием украинского и польского языков с примесью германизмов. На вопрос же, белорусы они или поляки, люди уверенно отвечали:

— Не, мы тутэйшыя! Ни по польску, ни по белоруску даже и говорить не умеем! По простому разговарываем! Это при королях нас писали поляками, при царях — русскими. Холера их бери, нехай себе пишуць, только бы нас не чапали!¹²

9 Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009. С. 34.

10 Карпюк А. Н. Вершалинский рай. С. 132.

11 Карпюк А. Н. Данута. С. 39.

12 Карпюк А. Н. Вершалинский рай. С. 163.

Одна из центральных тем творчества писателя — это становление национальной идентичности, для героев его произведений более характерно самоопределение «белорус». И этот переход очень важен, учитывая, что в творчестве писателей Гродненщины следующего поколения произошла обратная романтизация местной самоидентификации. Однако на примере этих двух произведений отчетливо виден переход от одной мировоззренческой модели к другой. Действие романа «Вершалинский рай» начинается в Российской империи и завершается в начале Второй мировой войны. Действие повести «Данута» начинается в межвоенный период и завершается в 1960-е. Один сюжет остается в прошлом, другой устремляется в будущее.

Таким образом, действие разворачивается в одном и том же пространстве: Российской империи, межвоенной Польше, в довоенной и послевоенной БССР, однако в романе «Вершалинский рай» развитие действия и, соответственно, становление героя происходит по модели Провинции, а в «Дануте» — по модели Фронттира. Время действия художественных произведений подчеркивает открытые перед ними возможности для становления и принятия решений. Отсюда и переход уже к национальному самоопределению и к одной из важнейших категорий белорусского национального мифа — Второй мировой войне. Как рассуждает Бартошевич в финале повести: «Помню, когда-то завидовал болгарам, что у них есть Димитров, а датчанам — что у них есть Андерсен, и очень переживал, что белорусы так бедны. Сейчас и я могу гордиться. В войну гитлеровцы из белорусов не смогли сколотить ни одной воинской части, зато в наших лесах обитало четыреста тысяч партизан. <...> Конечно, погибшими не хвалятся, но о них и не забывают!»¹³ Вторая мировая война, мировая и региональная память о ней определила тот вариант национального мифа, который представлен в творчестве Карпюка. Вероятно, это событие также определяет вариант территориального мифа, реализованный по типу Фронттира в «Дануте», хотя логичнее было бы увидеть его реализацию в «Вершалинском рае».

Источники и литература

Карпюк А. Н. Данута. Повесть. Минск: Юнацтва, 1989. 319 с.

Карпюк А. Н. Вершалинский рай. Мінск: Мастацкая літаратура, 1986. 352 с.

¹³ Карпюк А. Н. Данута. С. 298.

Ламм М. А. Миф пограничья как художественная основа романа «Вершалинский рай» и пьесы «Конец света» А. Н. Карпюка. URL: http://samlib.ru/l/lamm_marija_andreewna/mifpogranichxjakakhudozhestwennajaosnowaromanawershalinskijrajixesykonecswetaankarpjuka.shtml (дата обращения: 29.07.2022).

Ламм М. А. Персонический концепт Пилсудского в творчестве А. Н. Карпюка // *Беларуская літаратура і літаратуразнаўства: зборнік навуковых артыкулаў: да 90-годдзя Інстытута літаратуразнаўства імя Янкі Купалы / Нац. акад. навук Беларусі [і інш.]; уклад. Н. В. Якавенка; навук. рэд. І. В. Саверчанка. Мінск: Беларуская навука, 2022. С. 123–128.*

Робинсон М. А. Заявление профессора Н. Н. Дурново // *Славяноведение*. 2011. № 2. С. 86–100.

Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с.

Топоров В. Н. Функция границы и образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-балтийская перспектива) // *Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4: Балтийские и славянские языки. Кн. 1. (Opera etymologica. Звук и смысл). С. 154–167.*

References

Karpiuk, A. N. *Danuta. Povest'*. Minsk: Iunatstva, 1989, 319 p.

Karpiuk, A. N. *Vershalinskii rai*. Minsk: Mastatskaia litaratura, 1986, 352 p.

Lamm, M. A. "Mif pogranich'ia kak khudozhestvennaia osnova romana "Vershalinskii rai" i p'jesy "Konets sveta" A. N. Karpiuka." *Trassa 60*. URL: http://samlib.ru/l/lamm_marija_andreewna/mifpogranichxjakakhudozhestwennajaosnowaromanawershalinskijrajixesykonecswetaankarpjuka.shtml (accessed: 29.07.2022).

Lamm, M. A. "Personicheskie kontsept Pilsudskogo v tvorcestve A. N. Karpiuka." *Belaruskaia litaratura i litaraturaznaŭstva: zbornik navukovykh artykulaŭ: da 90-goddzia Instytuta litaraturaznaŭstva imia Ianki Kupaly*; uklad. N. V. Iakavenka; navuk. red. I. V. Saverchanka. Minsk: Belaruskaia navuka, 2022, pp. 123–128.

Robinson, M. A. "Zaiavlenie professora N. N. Durnovo." *Slavianovedenie*, 2011, no. 2, pp. 86–100.

Toporov, V. N. "Funktsiia granitsy i obraz "soseda" v stanovlenii etnicheskogo samosoznaniia (russko-baltiiskaia perspektiva)." *Issledovaniia po etimologii i semantike*, vol. 4: *Baltiiskie i slavianskie iazyki*, b. 1. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2010, pp. 154–167.

Turner, F. J. *Frontir v amerikanskoi istorii*. Moscow: Ves' mir, 2009, 304 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.04

M. A. Lamm

**Some features in the representation of the regional identity
of the characters in the novel “The Vershalin Paradise”
and the novella “Danuta” by A. N. Karpyuk**

Maria A. Lamm
Independent researcher
Moscow, Russian Federation
E-mail: lamm.maria@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3643-5052

Citation

Lamm M. A. Some features in the representation of the regional identity of the characters in the novel “The Vershalin Paradise” and the novella “Danuta” by A. N. Karpyuk // *Slavic Almanac*. 2023. № 1–2. P. 303–313 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.04

Received: 27.01.2023.

Abstract

In the borderland region, conditions arise for the formation of a special type of worldview. It is expressed in the emergence of a distinctive regional identity. For the work of the Belarusian writer A. N. Karpyuk characteristic is the understanding of the specifics of regional perception and its subsequent upgrade to the national level. The texts of the works are analyzed using the main structural categories of the spatial myth: Freedom of movement, social mobility, the logic of perception of the landscape by the characters. According to the plot of both works, in a situation of repeated changes of state affiliation, the formation of a local and, later, a national intelligentsia takes place: Teachers, and Priests. The balance of the national and the regional is largely determined by the specifics of relying on historical tradition and modernity. Probably due to ideological reasons, these plots are described by the author in different ways. However, the structural similarity of the two stories allows us to analyze the space surrounding the characters through the frontier myth, the peculiarities of its expression and perception.

Keywords

Borderland, frontier, Kresy, tutaishe, identity, national myth, frontier myth.